

[6, т. VIII, с. 159], сколько отстоявшиеся и многократно повторившиеся в быте и нравах национальные (континентальные) «образы жизни» [6, т. IV, с. 125], ее основные *способы* в их пространственно-временном существовании, оппозициях или взаимодействии, а также авторский идеал или, как предпочитал выражаться романист, «норма» социального и межнационального общежития.

Впервые художественное вычленение, обобщение и определение основных современных «образов жизни», как они, в своеобразии русской действительности, виделись Гончарову, было осуществлено писателем в «Обыкновенной истории» («взгляды на жизнь» Александра и Петра Адуевых) и «Сне Обломова» (обломовщина патриархальная и петербургская). Кругосветное плавание явилось для Гончарова не отказом от запечатленного в этих произведениях выношенного и целостного миропонимания, но его испытанием-проверкой и обогащением на основе наблюдений уже над глобальным материалом. Именно этим обстоятельством объясняется как готовность обычно осторожного романиста «написать... книгу» [2, с. 616] о путешествии, высказанная еще до начала самого путешествия, так и весьма скорая впоследствии интеграция, казалось бы, автономных и разрозненных первоначальных очерков в строгое художественное единство. Школа «Обыкновенной истории» и «Обломова», работа над которым продолжалась параллельно «запискам», наделила Гончарова и методикой преобразования разнообразных «беглых заметок о виденном» [6] в образы уже сверхбытового смысла и значения. Какова она?

* * *

Обратимся к начальным во «Фрегате...» изображениям Англии (Лондона) и острова Мадеры.

Первое складывается из общих впечатлений (из окна поезда) от декабрьского английского пейзажа, зарисовок лондонских улиц и уличных сценок, магазинов, трактиров, дневного распорядка жителей (время обеда, меню и т. п.). Везде и во всем Гончарова при этом занимает, это подчеркивается многократно, не редкое и исключительное, но рядовое и будничное, повторяющееся и обыкновенное [5, т. II, с. 45, 49—51], не герцог Веллингтон и его пышные похороны, но «вся толпа и... каждый встречный» [5, т. II, с. 46].

Последний «герой» (в его русском обличье) уже был знаком Гончарову. Людям толпы уделено значительное место и в «Обыкновенной истории», и в созданной еще в 1849—1850 гг. первой части «Обломова». Таковы здесь посетители Ильи Ильича — любитель светских визитов Волков, чиновник-карьерист Судбинский, модный литератор Пенкин, человек «без особых примет» [5, т. IV, с. 32] Алексеев (он же — Иванов, Васильев, Андреев), русский циник из подъячих [5, т. IV, с. 40] Тарантьев. Это не столько лица, сколько, как и персонажи русского физиологического очерка 40-х годов, персонификация той или иной группы, «разряда», «породы» петербургской массы, не портреты, но силуэты. Дело, однако, в том, что Гончарова они интересуют не порознь, но в значении, которое эти фигуры обретают совокупно благодаря проникающему их «главному мотиву» [5, т. VII, с. 70], их объединяющему и обобщающему. Именно — мотиву сугубо функциональной («как колесо, как машина») — [5, т. IV, с. 31] жизни, исполненной к тому лишь внешних побуждений и интересов. Существования, в итоге которого человек «раздробляется и рассыпается» «на всякую мелочь», утрачивая свою божественно-природную полноту и «целость» [5, т. IV, с. 23, 179].

Аналогично, посредством «одного понятия..., которое приближалось бы более или менее к общему воззрению» [5, т. VIII, с. 311], сведены воедино и названные выше зарисовки английского быта и нравов. Это понятие в свою очередь господствующей в промышленно и торгово самой развитой стране мира механистичности бытия, синонимичной все более узкой специализации личности и утилитаризации ее устремлений и деятельности. Слово «машина» из характерной